

Интервью у дирижерского пульта

Что мешает Большому остаться великим

Если мы спросим зрителей, с чего начинается опера, многие ответят: с первых звуков оркестра. Сегодня наш собеседник — главный дирижер Большого театра народный артист РСФСР Александр ЛАЗАРЕВ.

— Как-то, Александр Николаевич, вы сказали, что дирижер — это нерв спектакля. Но в рецензиях мелькает: «Режиссер-постановщик выразил в спектакле идею...», «Замечательно воплотил образ артист...», «Прекрасно звучал голос...» «Созвучна музыка сцене». И в последнюю очередь: «Хорошо дирижировал оркестром...» Мы как-то не замечаем роли дирижера. Не зря они в последнее время стали называть себя музыкальными руководителями премьер. Да и это мало помогает. Хотя нередко идея новой постановки принадлежит им. Они же работают с солистами и хором. А все же с чего начинается опера для вас?

— С того, чтобы убедить, что постановка должна появиться на сцене. Надо запастись максимумом аргументов, что именно она нужна сейчас театру. Так было и с оперой-балетом «Млада». Долго пришлось доказывать, что она способна жить на сцене. Сама работа начинается с изложения постановочного плана. Потом — терпение и труд.

В нашем деле дирижер — всему голова. Если во время действия дирижер опустит палочку — спектакль остановится. Но чем незаметнее его роль в спектакле, тем лучше. Тогда все в порядке. Дирижер — это не только нерв, но и сердце, мозг спектакля. Я затратил массу времени, чтобы это доказать.

— Вы стали главным дирижером ГАБТа три года назад. И тогда заметным событием стал творческий отчет солистов Большого театра перед труженниками Москвы и области, устроенный вами. Помню, сколько автобусов стояло перед колоннами. Ведь многие из приехавших на концерт либо совсем не были в Большом, либо очень давно. А сколько «звезд» «живьем» не видели никогда. Надеюсь, практика таких встреч будет продолжена?

— Продолжаем и будем продолжать такого рода деятельность. В планах — концерт «Оперные ансамбли», в котором прозвучат, о чем говорит само название, дуэты, трио, квартеты и хоры из опер. И все-таки наша главная линия остается неизменной — это новые спектакли, пропаганда отечественной классики. Ближайшими премьерами станут «Ночь перед Рождеством» и новая постановка «Евгения Онегина». Причем последний исклю-

чительно силами молодежи, ведь и сам Чайковский считал, что «Онегин» — спектакль для молодых. Конечно, это очень трудная задача, но постараться не ударить лицом в грязь.

— Не поймите, что я против молодежи. Вспомним спектакли «Юлий Цезарь», ансамблевою, исполненную в основном силами молодых «Снегурочку». Но в последнем стержнем стала «Весна» в исполнении И. Архиповой и ключевой персонаж, каким видел его постановщик Б. Равенских, — мудрый, умный Берендей, отлично спетый, может быть, единственным нашим лирическим тенором Д. Королевым. Я к тому клоню, что не рано ли мы списываем на пенсию наших уважаемых мастеров?

— А примеры?

— Уже названные и Г. Олейниченко, Г. Королева, К. Кадинская и многие другие. Сейчас Т. Милашкина. Театр потерял В. Атлантова. Не разбрасываем ли мы «звездами»? Даже ведущие солисты становятся известными и признанными сначала за рубежом, а потом у нас.

— Солисты уходят из театра по разным причинам: по возра-

сту, болезни... и по другим соображениям. Чтобы выступать в премьеры, надо два месяца участвовать в работе, отказывать себе в гастролях и только потом петь в спектакле. Я говорил и буду говорить, что если известный солист пожелает петь в любом спектакле, дорога ему всегда открыта. Мы никого не «списываем». Но дело далеко не всегда зависит от нас.

— Помните, вы говорили, что ни один знаменитый театр мира не имеет столько своих «звезд», как Большой. А как сейчас?

— И сейчас тоже. Но яркие «звезды» — известные и молодые — покидают Большой. Причин тому немало. Большой театр сейчас поставлен в униженное положение второразрядного коллектива. Отношение к нему плевое.

Артисты не могут и не должны жить в общежитии. Не должны при нынешней инфляции получать двести рублей. А ведь и при таких условиях мы выпускаем четыре новых спектакля за полтора года. И их не стыдно показывать ни у нас, ни за рубежом. Большой театр — учреждение государственное, престижное. Но условия работы в нем далеко не лучшие. А ведь императорской театры в России всег-

да были на привилегированном положении.

К нам не идут молодые талантливые певцы. Недавно мы приняли в труппу на ставку 150 рублей одаренного молодого стажера-баритона. Его пригласили за рубеж, и он уехал. Мог ли я его в этом обвинять?

Не удивлюсь, если однажды мы не сможем из-за отсутствия солистов поднять занавес. Все наши аргументированные просьбы оседают в столах. Хотя они должны быть на контроле. А пока артисты остаются незащищенными. И пресса нам в этом не помогает...

Более того, сейчас, по-моему, умышленно замалчивают работу Большого, его премьеры, выступления за рубежом. Мне трудно объяснить, почему в нашей прессе не было ни единой строки о недавних гастролях в Шотландии, где спектакли труппы собирали по 5 тысяч зрителей. Там с успехом шли премьеры — «Млада» и «Орлеанская дева». А ведь если бы в шотландской прессе были отрицательные рецензии, никто бы не ходил. Там это так.

Какие новые имена появились в Большом — кто знает? Именно из-за недостатка информации наши молодые становятся известными сначала за рубежом, потом дома. Во время последних гас-

ролей многие артисты получили приглашения выступить в разных зарубежных театрах. А почему? Потому что они солисты Большого. По-прежнему нет пророков в своем Отечестве?

— Их нет еще и потому, что радио, телевидение, кинематограф, на мой взгляд, мало внимания уделяют музыкальной классике. Мне приходилось бывать в разных странах Восточной Европы. Включишь радио, телевизор — звучит классическая музыка. По телевизору часто показывают в записи спектакли лучших театров мира со знаменитыми певцами. Многие ныне известные солисты признавались, что внимание к опере у них проснулось благодаря фильмам «Молодой Карузо», «Верди», «Музыкальная история»... А сейчас много ли снимают наших певцов?

А ведь у нас есть известный баритон Игорь Морозов — с удивительным комплексом внешних, вокальных и сценических данных, о котором говорят: фрак надел — и он Онегин... Кинематографы его не замечают. Е. Нестеренко пробовался в фильме на роль Шалыпина. Говорят, пробы были отличные. И что же?.. А какой это Борис Годунов, Сусанин, Греммин... Так и просится на пленку.

— Не берусь этого отрицать. Мало мы пропагандируем подлинное искусство. В цивилизованных странах целые страницы печатных изданий отдают музыкальной классике. Там на радио, телевидении и в прессе нормальный баланс классики и эстрады — не в ущерб первой. Постоянное внимание к новым постановкам. Воспитывается интерес ко всему происходящему в мире музыки. Кстати, о съемках. Мы заключили договор с американской фирмой «Коламбия» о записи на компакт-диски спектаклей Большого театра для показа у нас и за рубежом. Предложение же от наших кинематографистов не поступает.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть: меня очень волнует судьба Большого театра. Об этом я думаю с горечью и болью. Надо беречь отечественные культурные ценности и их носителей, сеятелей. Культура без людей существовать не может. Повторяю, без помощи властей столицы, РСФСР, Союза мы можем потерять то, что принадлежит Москве, России, всему человечеству.

Беседу вел
М. АНОХИНА.

